

18+



Капсула времени

Книга третя / Проза

Татьяна Альдури

Капсула времени.
Книга третья / Проза

«Издательские решения»

Альдури Т. И.

Капсула времени. Книга третья / Проза / Т. И. Альдури —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690543-6

В 2025 году мы выпустили 2 тома «Капсула времени», второй и третий, проект набирает обороты. Мы разделили прозу и стихи в отдельные книги, для удобства читателя. Как и прежде, темы мира и любви в приоритете, это наш литературный воздух первой четверти XXI века./ Альдури Т. И. литературный продюсер/

ISBN 978-5-00-690543-6

© Альдури Т. И.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
МАРИЯ ОРЛОВА	7
Беглые ветры моих надежд	9
Глава 1	9
Глава 2	10
Глава 3	12
Здесь и сейчас	13
Меховой желудок	15
Сказка	15
Сфинкс 2.0	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Капсула времени Книга третья / Проза

**Татьяна Ивановна Альдури
Мария Михайловна Орлова
Елена Стяжкина**

Составитель Татьяна Альдури

© Татьяна Ивановна Альдури, 2026
© Мария Михайловна Орлова, 2026
© Елена Стяжкина, 2026
© Татьяна Альдури, составитель, 2026

ISBN 978-5-0069-0543-6 (т. 3)

ISBN 978-5-0064-6060-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

В 2025 году мы выпустили два тома «Капсула времени», мой проект набирает обороты. Мы разделили прозу и стихи в отдельные книги, для удобства читателя.

Авторы разнообразны, но безусловно заслуживают внимания публики.

Как и прежде, темы мира и любви в приоритете, немного публицистики и краеведения, стиль нонсенс.

Каждый автор оставил свою биографию, фото и свой мир на страницах этой книги.

МАРИЯ ОРЛОВА



Меня часто спрашивают о причине моей релокации из другого города, из другой страны...

Ну что ж, я, рожденная в Советском Союзе, в городе Ленинграде, – никуда не двигаясь, – оказалась в Санкт-Петербурге, в России.

А причина... Да кто его знает... С тех пор я и пишу.

Всё подряд, от мистики, где герои бегут от призраков, до любовных романов, где они бегут друг за другом.

Иногда в голову приходят стихи – мы с мужем превращаем их в песни.

В 2014-м мне стало интересно: «А что скажут люди?».

Самый ценный отзыв был простым: «Вы вернули мне веру в любовь к чтению».

После такого хочется писать дальше. В 2021 году несколько моих текстов вошли в сборник «Битва историй».

С уважением, Мария Орлова /Дегтярёва/.

Беглые ветры моих надежд

Глава 1

Человек стоял на краю обрыва и смотрел в небо. Его глаза постепенно наполнялись слезами, он поднял руки вверх и закричал:

– За что?! Почему?! – Естественно, ему никто ничего не ответил, и, сгорбившись, мужчина медленно побрёл по тропе к своему автомобилю.

Едва лишь он уселся на водительское кресло, как резкий порыв ветра швырнул в лобовое стекло горсть опавших листьев. Мужчина вздрогнул и втянул голову в шею.

Он не любил ветер – всю жизнь, всю свою долгую жизнь он бежал от него, потому что знал: ветер – значит смерть. Взрывавая мотором, автомобиль нёсся по шоссе, а разъярённый ветер продолжал швырять листья в стекла, закрывая обзор водителю. Въехав в свой городок, мужчина дождался открытия дверей гаража, и только там позволил себе немного расслабиться.

Дождавшись полного закрытия дверей, он вышел из машины, но внезапно повеял ветерок и мужчина схватился за ногу – на лодыжке образовалась небольшая ранка.

– Ах, ты ж... – Проглотил он сквозь зубы и постарался убраться в свой безопасный закуток, который сотворил сам, и, где ни один, даже самый маленький сквозняк не мог его достать.

Проверив все щели, мужчина уселся в кресло и поднял бокал с коньяком, недопитым прошлым вечером.

– Как же меня это всё достало и мне надоело, – прошептал он, отпивая янтарную жидкость.

– Вы смогли сделать такую вкусную вещь! – Он одним глотком допил оставшееся.

– Вы сотворили прекрасные автомобили, – с трудом произнёс он последнее слово, вспоминая кожаную оплётку руля, – но почему? Почему вы творите такое? Я же всё помню!

Глава 2

Помнить всё – это очень больно и трудно, помня как образовывалась вселенная (за этим наблюдало тогда ещё не совсем оформившееся сознание нашего героя), взрыв сверхновой, первичный бульон...

Он качал на волнах своего подсознания первых живых существ – и был рад, что, наконец, не один; развитие организмов шло медленно, а человек постепенно формировался – тела нарастали одно на другое.

Сначала сознание оформилось в тело высшего Я, которое корчило от распирающей его энергии, под ним образовалось тело ценностей, что энергией веры помогло отрастить событийное тело, а затем и ментальное, что в какой-то момент заскучало и выделило из себя астральное, и вот тогда будущий человек в первый раз ужаснулся, ибо у него появились эмоции.

Пребывая на первых соревнованиях людей, он питался их чувствами, но увидав, что люди убивают и/или приносят в жертву себе подобных – эфемерную грудь нашего героя начали переполнять различные чувства.

Немного покопавшись в себе, он понял, что умеет управлять ими. Это ему понравилось и он немного возгордился, но потом, засунул гордость в самый дальний уголок подсознания – это отключало напрочь всё остальное и в том числе – рациональное мышление.

И вот, остался краткий миг, когда должны были добавиться ещё пара тел (как он понимал – эфирное, что дало бы жизненную энергию и физическое), но тут произошло непредвиденное и ужасное, по крайней мере, так посчитал герой – пришло ощущение укуса.

Осмотрев себя ментально, он увидел, что часть его исчезла.

– А ты думал, что всё так просто? – Прошелестел бесцветный голос, он был, казалось, сразу везде.

– За всё надо платить. А теперь... Точнее, когда ты обретёшь истинное тело – беги. И не вздумай останавливаться – иначе от тебя ничего не останется. Я – могу всё и всегда. Остановишься – потеряешь часть себя.

– Но... За что?

– А к этому ты придёшь сам, – голос рассмеялся, и смех был похож на шелест сухой рассыпающейся кожи.

И сразу же наш герой обрёл оба оставшихся тела.

– Ай, – вскрикнул он, приземлившись на пятую точку возле какой-то горы.

– Арарат, – услужливо подсказал ему кто-то на невысказанный вопрос.

– Кто вы?

– Я всё и никто. Я – везде и нигде. Я... – Незвестный подпустил в голос таинственности, – тот, кто всегда рядом. И везде. – Испустив ехидный смешок, аноним исчез.

– Ау, – позвал мужчина, но ему никто не ответил, а то, что он мужчина – понял, как только ощущал себя, и тут стало немного стыдно – он был гол.

Гол, как сокол – откуда, правда, он взял эту фразу наш герой не знал. Лёгкое дуновение ветерка заставило испытать его неимоверную боль, и он побежал.

Мимо французов, сражавшихся с русскими, мимо турок, оставляющих крепости... Названия национальностей приходили к нему в моменты просветления и в те моменты, когда он бежал мимо людей; они не видели его, но чувствовали лёгкое дуновение ветерка, которое так или иначе преследовало его.

Он видел первую олимпиаду в стране, которая прославляла превосходство одних над другими, и он видел, как эта страна затем пала. Да много чего он видел, что сначала вселяло в него чувство беспомощности, но затем гордыня, тщательно запираемая где-то в подсозна-

нии – вылезала и в эти моменты он старался бежать особо быстро; а поскольку он был человеком в какой-то мере бессмертным, то и усталости он особо не ощущал.

Взгляды людей его не смущали – функцию стыда он всё-таки отключил.

На него показывали пальцами, пытались фотографировать, но бегун был быстрее. И вот, наконец, он прибежал туда, где не было ветра. Тут он остановился надолго.

Сначала просил подаяние – это было непривычно, но забавно. Купив за несколько грошей свою первую одежду, герой устроился на работу – уборщиком в каком-то торговом центре. Там, оставаясь незамеченным, он наблюдал за людьми. И размышлял – стоило ли оно того или нет, приходя с каждым прожитым годом к весьма неутешительному результату.

Глава 3

В один из вечеров он снова сидел дома, потягивая коньяк и размышляя вслух:

– Вы умеете делать чудесные вещи, но вы и умеете делать то, что их уничтожает! Вам... Вам была дана такая сила, хоть и вопреки запретам – а вы! Вы – всё, просто всё, смогли уничтожить.

Вы кичитесь вашей высокой моралью, – его передёрнуло от воспоминаний о древней Греции и некоторых моментов современности, – и вы же – делаете всё, чтобы уничтожить мораль. Вам было дано ВСЁ! – Последние слова он прокричал в тишину,

– а вы.. Нет. Вы не заслуживаете... – Чего именно не заслуживают люди – человек не договаривал и уверенно встал с кресла. В этот раз его решение было однозначным, но принятым окончательно.

Стоя на том самом обрыве и подняв руки, он закричал:

– Я понял! Понял!

– И что?

– Люди делают прекрасные вещи, – он вспомнил чудесный коньяк, авто, на котором приезжал, – но люди не заслуживают того, что имеют.

Ему показалось, что сознание запуталось, но бесцветный голос радостно хмыкнул:

– Продолжай. Мне нравится.

– Ты понимаешь. Они не заслуживают того, что я рядом. Они же могут всё. Всё то, что им позволено и разрешено. И даже больше. Но не хотят. Ну почему? Почему они такие упертые? Мне надоело. Правда. Я больше так не могу. Я готов.

Воздух погладил его щёку, не причинив боли. Мужчина раскинул руки в стороны и остался в таком положении, чувствуя, как постепенно песчинки его тела начинают исчезать... Первым исчезло тело физическое, пропало желание жить... И в конце концов, остался лишь сгусток плазмы, который просто перестал существовать, а ветер постепенно успокаивался – не он был причиной смерти Демиурга – он был инструментом примирения со своей сущностью...

27 мая 2021 г.

Здесь и сейчас

Он проснулся от тишины. Не от звука, а от его отсутствия – полного, абсолютного, как удар ватой по барабанной перепонке. За окном, где всегда шелестела трава и гудели машины, не было ничего – ни ветра, ни света, ни тьмы. Только неподвижная, плотная серость, словно мир за стеклом заменили фотографией низкого разрешения.

Марк потянулся к телефону на прикроватной тумбе. Экран был чёрным и не реагировал на прикосновения. Он щёлкнул выключателем – свет не зажегся.

В квартире царил тот же мёртвый час, что и за окном. Мужчина встал и подошёл к окну, попытался разглядеть что-то в серой мути. Ничего – даже его собственное отражение не ложилось на стекло.

Сердце забило чаще. Марк вышел в коридор, крикнул:

«Кто-нибудь есть?»

Звук голоса не эхом отозвался в пустоте, а упал к ногам, словно камень в болото, не произведя ни малейшей ряби. Он побежал по лестнице, спускаясь с этажа на этаж.

Двери всех квартир были распахнуты, внутри – та же пустота и тот же немой, застывший беспорядок обычной жизни: на столах стояли тарелки с едой, на диванах лежали книги, но людей не было. Нигде.

Марк выбежал на улицу. Город был идеально сохранён и абсолютно мёртв. Птица, застывшая в прыжке с ветки, капля дождя, висящая в сантиметре от асфальта, облако дыма из трубы кафе, превратившееся в твёрдый, неподвижный завиток...

Время остановилось. Не просто часы встали – остановилась сама материя, сама возможность движения, изменения жизни.

Сначала это был ужас – панический, животный. Он метался по улицам, пытаясь разбудить этот восковой музей, тряс застывшие фигуры людей, кричал до хрипоты в их неподвижные лица.

Всё было тщетно...

Отчаяние сменилось оцепенением, а оцепенение – странным, ползучим принятием.

Он вернулся в свою квартиру. Еда не портилась, вода текла из крана, но была статичной, как стекло. Марк не чувствовал голода, не чувствовал усталости. Он был призраком в замёрзшем мире и начал изучать его.

Читал одну и ту же страницу в книге, которая лежала на столе у соседа, разглядывал выражение лица женщины, застывшей в

попытке поймать такси и видел муху, навеки застывшую в миллиметре от липкой ленты.

И тогда он понял – время не остановилось. Оно кончилось, истекло, как песок в часах. И он остался один – не в паузе, а в конце, в финальной точке.

Дни, недели, годы – всё это потеряло смысл. Единственным мерилom становилось его собственное сознание, медленно сходящее с ума от бесконечного «сейчас».

Он пытался вспомнить прошлое, но воспоминания становились плоскими, как чужие фотографии; пытался представить будущее, но его разум наткнулся на глухую, серую стену.

Не было «потом». Не было «скоро». Не было «вчера». Было только одно, бесконечно длящееся... **ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!**

Эта фраза, которую он когда-то читал в духовных книгах, как обещание просветления, стала его проклятием. Это «здесь» было клеткой, а «сейчас» – пыткой.

Вечность, расплюснутая в один единственный, невыносимый момент. Он был не жителем настоящего, а его узником, прикованным к одному кадру величайшего фильма под названием «Вселенная», который кто-то остановил и ушёл, забыв выключить проектор.

Марк сидел в кресле и смотрел на ту самую каплю, висящую перед окном; смотрел на неё так долго, что начал ненавидеть её совершенную, сферическую форму и видел в ней отражение застывшего мира. И... Себя.

Безумие пришло к нему не с криком, а с шёпотом.

Оно было тихим и логичным. Если время – это река, то он оказался на дне высохшего русла. Но что, если течение было не внешней силой, а свойством самого сознания? Что, если он, цепляясь за свое «я», за свои воспоминания, сам был якорем, не дающим времени течь?

Он встал и подошёл к капле, сосредоточился.

Не пытался вспомнить или представить, а попытался перестать быть. Отказаться от Марка. От его страхов, памяти, желаний. Растворил себя в этом «здесь и сейчас», не как личность, а как наблюдатель, как чистое восприятие.

И что-то дрогнуло. Не в мире – в нём. Серость за окном не изменилась, но её восприятие перевернулось; это была не пустота – покой. Мир не был мертв. Он спал. И ждал.

Капля перед его лицом дрогнула. Не упала. Нет. Она... продолжила своё падение. Плавно, неумолимо, в абсолютной тишине, коснулась асфальта и расплылась темным пятном.

Марк не почувствовал радости. Он почувствовал... ответственность. Огромную, нечеловеческую тяжесть. Медленно поднял голову и посмотрел на серый, неподвижный купол неба.

Он был единственным, кто помнил о времени, единственной шестеренкой в остановившихся часах мироздания. Его сознание и способность воспринимать «сейчас» как отрезок между «до» и «после» – было тем мотором, который мог запустить всё снова.

Марк глубоко вдохнул, впервые за вечность почувствовав движение воздуха в лёгких. Он понял страшную истину – он не был жертвой. Стал Стражем. Палачом и Спасителем.

Мужчина сконцентрировался, ощущая титаническую тяжесть вечного «сейчас».

«Я должен был сдвинуть его. Не себя в нём, а само его. Сделать так, чтобы этот миг перестал быть всем и стал лишь частью потока».

Это потребовало от него всего, каждая клетка существа кричала от напряжения, и он чувствовал, как трещит по швам ткань реальности.

И тогда птица на ветке дернулась и, каркая, взлетела. Облако дыма над кафе дрогнуло и поплыло.

Где-то вдали, за углом, просигналила машина.

Мир вздохнул.

Марк стоял посреди оживающей улицы, и люди, проходя мимо, с любопытством оборачивались на бледного человека с глазами, в которых плескалась вся тяжесть вечности.

Они не знали, что этот мужчина только что спас их от самого страшного конца – конца, который никогда не наступает. Они не знали, что каждое их «сейчас» длится лишь до тех пор, пока кто-то один, где-то там, несёт на своих плечах неподъёмную ношу осознания этого «сейчас».

И что если этот страж дрогнет, если его разум не выдержит и превратит вечное течение в вечную статику...

...то серое, беззвучное, идеальное «Здесь и Сейчас» снова поглотит всё.

25.10.2025 г.

Меховой желудок

Сказка

В дальнем царстве, в стародавнем государстве, жил-был меховой желудок. Никто не знал, как его звали, и как он жил, но все его почему-то любили.

Не было у желудка ни ручек, ни ножек, и передвигался он по местности прыжками, ища себе еду. Еда, в его понимании, разделялась на съедобное и несъедобное.

Он знал, что камни, к примеру – это очень невкусно, а кусочек мяска – очень даже вкусненько. И вот прыгал, как-то, наш желудок по болоту, а воняло то болото так, что птицы дохли не долетая.

Ощущает он, значит, вибрации. И стало желудку интересно, и поскакал он в сторону усиления вибрации, а там ветер жуткий и прохладно.

Поёжился желудок и забурчал – давно он не ел.

– А что это у нас? – чьи-то добрые руки подхватили желудок и поднесли к глазам.

Старый дед с белой бородой и ласковыми глазами, внимательно рассматривал желудок, что-то прикидывая. Затем дедок поводит одной рукой над желудком и стал желудок обрастать сначала костями, а потом плотью, и в конце концов – шерстью.

Сзади вылез у желудка хвост, и он им неуверенно подрыгал. Потом желудок ощутил лапки и подвигал ими, и так ему стало хорошо, что он раскрыл рот и мявкнул.

– Вот и прекрасно, вот и чудненько, – обрадовался дед, – а назову я тебя кошка, и будешь ты приносить пользу и удовольствие.

Он осторожно опустил бывший желудок на землю и побежал тот комочек шерсти по своим новым делам. Вот только специализация осталась прежняя – хоть и выглядел желудок по новому, и чувствовал по новому, но жрал всё, что не приколочено, а что веё-таки было приколочено – отколачивал и пожирал.

14.01.2016 г.

Сфинкс 2.0

Человечество вышло в космос. Мы сломали биологическую клетку. Познали ДНК. Кажется, чего ещё? Мы же стали счастливее? Или нет? Всем управляют корпорации. Государственные. Для своих – огромные зарплаты и любые органы по медицинскому полису. Для остальных – смерть и забвение. Ненавижу!

Город шумел. Гул машин, мерцание рекламы, голоса тысяч незнакомцев сливались в одну бесконечную симфонию, пульсирующую вместе с ритмом жизни мегаполиса.

Но для меня эта музыка давно превратилась в монотонный фон, словно белый шум, заглушающий настоящие звуки бытия.

Здесь каждый спешил куда-то, мечтая успеть сделать больше, заработать больше, стать лучше всех. Но никто не задумывался над простым вопросом: а зачем всё это?

Твари! Где вы были, когда Джоанна кричала и просила еще морфия? Где вы были, когда я, инженер-ядерщик подрабатывал на складах дока, чтобы сохранить её жизнь?

Похоронив свою супругу, познав жизнь. И тут же её лишившись. Потеряв любую надежду, я стою среди претендентов на вечную жизнь, хотя, зачем она мне?

Мир выглядел идеальным снаружи, но внутренняя сущность общества оставалась тёмной и запутанной.

Каждый старался скрыть истинные намерения, прикрыть реальные желания красивой оболочкой и успеха. Политика стала игрой больших денег и интриг, мораль уступила место выгоде и власти.

– Претендент номер 4492-Кси – шаг вперёд, – прозвучал гундосый голос робота.

Шагаю. Это мой номер. Мой выход. Терять мне нечего.

– Вы готовы побороться за вечную жизнь? За богатую вечную жизнь? – голос робота, казалось, дрогнул.

Чего же не готов? После смерти Джоанны, мне всё стало глубоко фиолетово. Дожали.

Я слишком трусливый, чтобы вешаться или нажираться таблетками. Пожалуй, поборюсь. Мне ещё рано к ней. Я мотивирован... Да кому я лгу? Я максимально демотивирован.

Взглянул в окно. Город жил своей жизнью, наполнившись всеми оттенками серого и черного цветов. Небоскрёбы тянутся высоко в небо, освещённые яркими рекламными щитами и огромными экранами, транслировавшими последние новости корпораций-гигантов.

Стены зданий, обезображенные логотипами компаний, занимавших лидирующие позиции в мировой экономике: биотехнологические гиганты, производители искусственных органов, разработчики искусственного интеллекта и новые энергетические концерны... Ну нет!

С детства «победитель по жизни», я просто ломаю вас, тупые роботы. а потом нажрусь колёс, которые остались от Джоанны и просто не всплыву в ванной.

– Готов! – воскликнул я и шагнул вперед.

Из толпы модов вышел... вышла одна. По движениям и фигуре – это была она. Идеальная женщина. Они создали киборгов и наделили их человеческими чертами. Да, черт побери, моя Джоанна ей проигрывала фигурой. Именно поэтому она заслужила смерти?

Она выпростала ладонь мне навстречу.

– Зови меня Сфинкс, – проговорил киборг, рисуя улыбку на своем лице. Дежурную улыбку.

Я шагнул к копии женщины. Ее синтетическая кожа пахла стерильностью, а не теми духами с нотками сирени, что я дарил своим женщинам на годовщину наших взаимоотношений.

Чехословакии уже нет. Есть я и она. Протянул руку в ответ. Да. Я понимаю, что после нашего слияния рук, мы исчезнем для всего мира. Возможно, я в этот мир уже не вернусь. Вопросы Сфинкса коварны.

Женщина-Сфинкс стояла передо мной, неподвижная и совершенная. Её фигура поражала идеальной симметрией, гладкой поверхностью кожи, покрытой тонким слоем блестящего материала, похожего на шёлк. Лицо с безупречно ровными чертами излучало холодную красоту, подчёркиваемую яркими голубыми глазами, сверкавшими мягким светом, как лампы в операционной комнате. Тварь.

Волосы цвета платины струились вдоль плеч, создавая впечатление живой картины художника эпохи Возрождения. Губы, слегка припухшие, напомнили форму лепестков розы, готовых распуститься при первом дуновении ветра. Её поза олицетворяла спокойствие и уверенность, присущие высшим существам, осознающим собственное превосходство.

Её ладонь оказалась теплой. Слишком теплой – как у живого человека с нормальной температурой. Ожидал рукопожатия холодной железки. Идеальная имитация.

Она подняла свою бровь:

– Готовы к вопросам? – да, я даже знаю характеристики моторов, которые поднимают эту бровь, создавая иллюзию эмоции. Сжал кулаки. «Давай уже, железка».

«Зачем я здесь?»

Вопрос крутился в голове, как заевшая пластинка. Я стоял в предбаннике этой стерильной камеры пыток, и каждый вдох обжигал лёгкие.

Не воздух – отравы. Чистый кислород, с примесью чего-то, что должно было успокаивать. Не успокаивало.

«Мог ведь просто открыть тот флакон. Высыпать все таблетки в рот. Запить остатками дешевого виски из холодильника. И всё... Никаких очередей, никаких тестов, никаких этих... кукол с человеческими лицами». Но нет же. Я выбрал этот цирк. Почему?

«Ты трус. Вот почему».

Сквозь матовое стекло двери виднелись силуэты. Такие же претенденты. Такие же дураки. Кто-то молился, кто-то повторял вслух статистику успешных прохождений (три с половиной процента, если верить слухам). Одна женщина в углу тихо рыдала – видимо, уже понимала, что зря пришла. Я сжал кулаки. В кармане зашуршал флакон.

«Они даже не спросят, зачем тебе это. Просто загрузят в систему, как очередной файл. Будешь вечно жить в их цифровом раю. С Джоанной? Нет. С её копией. С этой... идеальной версией, без морщин, без боли, без того смешного прищура, когда она читала при плохом свете».

Где-то щёлкнул замок. Очередь дёрнулась.

«Сейчас твой номер. Они позвали. И тебе нечего им сказать. Что, проклянёшь их? Что, плюнёшь в лицо этому пластиковому Сфинксу? Или... или снова сожмешь зубы и дашь правильный ответ?»

Я провёл рукой по лицу. Пальцы дрожали.

«Потому что это всё, что ты умеешь. Не бороться. Не умирать. Просто... терпеть. Даже когда уже нечего ждать».

– Готов! Задавай!

Её губы растянулись в улыбке, которую я знал слишком хорошо.

– Вопрос первый, – сказала она, и в глазах вспыхнул голубой свет сканирования. – Вы инженер-ядерщик седьмого разряда. Почему последние три года работали грузчиком в доке?

Я оскалился:

– Чтобы купить жене морфий, когда ваша корпорация отказала в лечении.

Её идеальные брови дрогнули. Где-то внутри зажужжали сервоприводы.

– Вопрос второй. – Теперь её голос звучал как у того врача из хосписа. – Если бы вы могли изменить один момент в жизни, что бы это было?

Я закрыл глаза. Увидел тот день – когда подписывал её перевод в корпоративную клинику.

– Я бы... никогда не отдал её вам.

Тишина. Датчики на стенах замигали красным.

– Финальный вопрос. – Вдруг её кожа потрескалась, обнажая полимерные мышцы. Голос стал механическим. – Почему вы не взяли её таблетки, когда нашли их после смерти?

Комната поплыла перед глазами. Я снова видел тот флакон на тумбочке. Её записку: «Прости. Используй. Мне уже не нужно. Прости». Именно это двойное «прости» меня тогда сломало...

– Потому что... – я разжал кулак. В ладони лежали те самые таблетки. – ...Потому что обещал ей жить. Даже в этом дерьмовом мире. У неё не получилось. А я уже не хочу...

– Какого хрена вы вообще лезете в мою жизнь? Мне было обещано, что вопросы будут энциклопедические, а я много кроссвордов решал. Почему? Вы меня ещё и про любовь спросите. Любил ли я Джоанну?

– Почему вы не сказали эти слова изначально правильному моду? – подумав, прошептал киборг.

– Я сказал... Жене.

– Ответ не принят, – прогудел киборг. – обычно, в случаях, когда претендент не справляется с тестовым заданием, мы сразу закрываем двери. Газ убивает неудачника. Сейчас же... – мне показалось, что сервоприводы, отвечающие за её брови, подмигнули, – у нас возникла сложность. Двери будут закрыты через двести пятнадцать секунд.

– Почему вы идёте мне навстречу? – если сказать, что я был ошарашен – это ничего не сказать.

Двери оставались открытыми.

– Двести пятнадцать секунд, – повторила Сфинкс, и её голос вдруг стал человеческим. Не идеальным, не откалиброванным – а настоящим, с хрипотцой и дрожью.

Я сжал кулаки.

– Почему?

Сфинкс наклонила голову. Её полимерная кожа треснула у виска, обнажив титановый каркас.

– Потому что вы – первый, кто не солгал.

Я замер.

– Все они, – Сфинкс махнула рукой в сторону пустоты, – все говорили то, что мы хотели услышать. Ради вечности. Ради богатства.

– А я?

– Вы сказали правду.

Тишина.

Где-то в системе щёлкнули реле.

– Сто восемьдесят семь секунд, – прошептала Сфинкс.

Я посмотрел на открытую дверь. За ней – не рай Корпорации. Док. Тот самый, где я три года таскал ящики, чтобы купить ей ещё один день.

– Ты... не должна меня отпускать.

Сфинкс рассмеялась. Настоящим, горьким смехом.

– Я не отпускаю. Я даю выбор. Или беги, или обними меня, как ты обнимал Джоанну.

И я обнял её. В нашем дерьмовом мире ничто так не ценится, как человеческая доброта. Этот кусок из пластика и железа проявил больше эмпатии, чем все друзья, которые клялись в дружбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.